- речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
5. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
 6. Городское просторечие: - Проблемы изучения. М., 1984.

7. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979; 2-е изд. М., 1987.

Чернов В. И.

Neues Testament des Cudov-Klosters. Eine Arbeit des Bischofs Alexij, des Metropolit von Moskau und ganz Bussland. Phototypische Ausgabe von Leontij Metropolit von Moskau, Moskau, 1892/Mit einer Einleitung hrsg. von Lehfeldt W. Koln; Wien: Btlaue Verlag, 1989 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven/Hrsg. von Herder H.-B. und Rothe H. in Verbindung mit Olesch. R. Bd 28).

Настоящее издание привлекает наше внимание к исключительно интересному памятнику славянской письменности XIV в., в судьбе которого остается много неясного и значение которого еще не выявлено до конца. Из вступительной статьи издателя мы узнаем об интересе к этому тексту в русской науке XIX в., о частичных и полных его публикациях. Рукопись, хранившаяся в Чудовом монастыре московского Кремля, исчезла в 1918 г., а в нашем распоряжении остаются ее далекие от совершенства копии — фотографическое издание, выполненное в 1887 г. под наблюдением архим. Амфилохия, и фототипическое издание, выполненное в 1892 г. на иждивении московского митрополита Леонтия. В предисловии к изданию 1892 г. было сказано, в частности, следующее: «Еще московский митрополит Платон, украсивший сей памятник драгоценными камнями и жемчугом, начертал на нем: *тойто вѣауѣ Аѣов шС хѣва -Оужаѣров ѿГ (ри/атѣИѣ (т. е. „это Евангелие как некое сокровище должно хранить“.*— А. А.). Продолжая сию заботу и выполняя сие завещание, мы сочли долгом издать этот памятник фототипически, чтобы распространить обладание им между людьми веры и науки, и вместе с тем навеки сохранить его на тот случай, если бы подлинник его, в силу каких-либо несчастных судеб, подвергся уничтожению» [1]. Пророческое значение этих слов велико сегодня еще и потому, что отечественная филология пренебрегает этим наглядным и убедительным примером для подражания.

Тираж издания 1892 г. ограничился сотней экземпляров, поэтому можно от всей души приветствовать новую попытку фототипического тиражирования одной из копий 1892 г. В. Лефельту оказался доступен экземпляр из университетской библиотеки в Тире. Не все экземпляры 1892 г. равноценны по своему качеству, возможно, тирский не относится к числу лучших, так что в издании 1989 г.

немало мест, которые нельзя прочесть совершенно. Глоссы и маргиналии на полях не читаются полностью, тогда как в некоторых экземплярах 1892 г. их почти все можно разобрать с помощью увеличительного стекла. Если бы новое издание было основано на нескольких экземплярах 1892 г., результат, вероятно, был бы более удовлетворительным.

Текст Чудовской рукописи Нового завета представляет собою плод целенаправленной работы одного переводчика-редактора. Как это характерно для истории переводов св. Писания, переводчик знал и использовал какой-то славянский текст, но смысл своего труда видел в том, чтобы привести славянскую версию в полное согласие с греческой. С этой точки зрения вся работа может быть названа «переводом», поскольку принципиальная установка на воспроизведение всех лингвистических особенностей оригинала прослеживается здесь со всей очевидностью. Однако с точки зрения славянской традиции св. Писания этот труд может быть охарактеризован как «редакция», ибо использование известной славянской версии произведения (об этом ниже) также не вызывает сомнения. Научная основательность работы проявляется последовательным проведением всех лингвистических приемов. Переводчик-редактор стремился к тому, чтобы одним и тем же элементам греческого оригинала соответствовали одни и те же элементы славянской версии. Сходных попыток последовательного проведения избранных приемов в истории переводов св. Писания у славян известно не так уж много: это перевод толковых Пророков, выполненный в Болгарии в начале X в., и переводческая практика Епифания Славянского и его школы. Результаты первого опыта не столь выразительны, потому что сохранились в поздних списках XV—XVI вв., расхождения между которыми не всегда позволяют надежно реконструировать архетип. Школа Епифания дошла до полного отрицания само-

ценности славянского текста, стараясь подчинить все его лингвистические формы греческому оригиналу. В итоге лишь Чудовская рукопись дает нам неповторимую возможность создать сопоставительную греческо-славянскую грамматику. Работа эта к сожалению, до сих пор не осуществлена.

Датировка и рукописи, и заключенного в ней текста XIV веком не вызвала сомнений еще в ту эпоху, когда рукопись была доступна палеографам и филологам. Тем меньше оснований сомневаться в ней теперь. Нужно лишь добавить, что текст Чудовской рукописи близок к поздней редакции Евангелия и Апостола, как это можно видеть по изданиям Г. А. Воскресенского [2, 3]. Эта «четвертая», по Г. А. Воскресенскому, редакция представляет собою, как кажется, «извод», или «текстовый тип», т. е. текст, сформировавшийся не в результате единовременного редактирования, а в ходе многочисленных справ, направленных на сближение славянской версии с поздней византийской версией Нового Завета. Частичное совпадение поздней редакции и Чудовского текста значит то, что изготовитель последнего опирался в своей работе на текст поздней редакции. Самая ранняя датированная рукопись поздней редакции относится, по сообщению И. Д. Добрева, к 1316 г. (Карейское евангелие на Афоне). Следовательно, текстологическая датировка также указывает на XIV в.

Недавно И. Винтр [4] изложил интересные наблюдения о зависимости Чудовского текста в объеме Евангелия от Чешской библии, но приведенных данных все же, пожалуй, недостаточно, чтобы считать эту гипотезу доказанной. Во всякой текстологической традиции между каждой парой рукописей оказывается известное число совпадений, не разделяемых остальными рукописями; точно так же между двумя средневековыми переводами одного оригинала всегда обнаруживаются совпадения, не разделяемые всеми другими переводами этого оригинала. Необходимо полное изучение текстологической истории всех переводов одного и того же оригинала, чтобы уверенно интерпретировать такие совпадения.

Традиция приписывает изготовление и текста, и самой рукописи московскому митрополиту Алексею (1293/8—1378), когда он находился в Константинополе ок. 1355 г. Эта традиция не младше XVII в.: в свое предисловие к переводу Евангелия соответствующее свидетельство включил Епифаний Славинецкий. В согласии с нею в XVIII в. в рукопись была внесена копия духовного завещания, писанного в свое время собственноручно московским митрополитом. В Чудо веком тексте Епи-

фаний находил оправдание и опору для собственного перевода, и это возбуждает недоверие к его свидетельству. А. И. Соболевский [5] решительно отверг домыслы о тождественности почерка Чудовской рукописи с почерком митроп. Алексея, а М. Корнеева-Петрулан [6] выявила в рукописи целых четыре руки. Она же, впрочем, нашла возможным довериться Епифанию в том, что самый перевод сделан московским святителем: в тексте есть черты, свидетельствующие о том, что писцы писали под диктовку, а е-то и мог осуществлять митроп. Алексей. К таковым чертам отнесены: непереведенные гречизмы, обиходные слова вместо книжных, новообразования, буквалиты в передаче синтаксиса и ударения, отражающие обиходную речь. Но все эти черты слишком распространены в славянских средневековых переводах, чтобы аргументацию такого рода можно было признать достаточной. Самый облик рукописи с тщательно организованным текстовым пространством, с инициалами, отмечающими начала служебных перикоп, с указаниями на зачала-концы не только на полях, но и в самом тексте, с умелым расположением заставок и киновари не допускает мысли о спонтанной работе под диктовку. Едва ли Чудовская рукопись является исходным списком той особой редакции новозаветного текста, который написан на ее листах; скорее всего, у нее был антиграф по крайней мере в виде черновых материалов.

Соображения о том, что в языке Чудовской рукописи отразились индивидуальные речевые навыки митроп. Алексея (они высказаны, в частности, И. Огненько и Л. П. Жуковской и приведены В. Лефельтом, с. 17), убедительными не кажутся. «Русский» облик выражен в данном тексте не более, чем в любом другом восточнославянском списке Евангелия, содержащем текст кирилло-мефодиевского или симеоновского происхождения. Даже восточнославянская акцентологическая система рукописи (а это первый по времени восточнославянский манускрипт с проставленными ударениями) не может быть уверенно отождествлена с великорусской, украинской или белорусской диалектной средой XIV в., как это показано во вводной статье (с. 30—32).

Чудовская рукопись уникальна по составу: других славянских кодексов, которые содержали бы целиком Новый Завет, и только его, мы не знаем. Полнота новозаветного канона подчеркивает четкий, вне литургический характер текста. Безусловно, это явление нового времени, вызывавшего во всей своей полноте несколько десятилетий спустя первопечатным греческим Новым Заветом,

изданным в 1516 г. в Базеле Эразмом Роттердамским. Каждой книге за исключением Апокалипсиса предшествует оглавление и иногда предисловие. Но составу кодекса противоречит разбивка на литургические перикопы (зачала), произведенная уже писцами основного текста, с добавлением, вероятно, позже, после изготовления основного текста, киноварных указаний на время чтения каждой перикопы. Как всякая литургическая книга Чудовский кодекс содержит синаксарь и месецеслов. Не читаемый в церкви Апокалипсис разбит на семь равных частей с леммами на полях от «понедельника» до «недели», возможно, для келейного употребления. Приспособлением текста к литургическому применению отражается в Чудовской рукописи основной способ бытования св. Писания в Византии и у славян средневековья.

Отсутствие других полных экземпляров этой славянской версии Нового Завета не следует понимать как свидетельство непопулярности текста в этом его виде. Этот факт говорит о том, что рукописная книжность не испытывала потребности в сборнике такого состава — Новый завет в сокроге. По частям этот текст переписывался. Уже Г. А. Воскресенский указал два списка Евангелия с этим же текстом (ГБЛ, фонд 304, 111, № 6/М. 8652, ГПБ, Q п I 1) и один список Апостола (ГПБ, собр. Погодина 27), которые по манере письма и оформлению напоминают оригинал — Чудовскую рукопись. Теперь нам известны также три копии Апокалипсиса (ГБЛ, фонд 304, № 710, фонд 310, № 1, ГПБ, Q п I 6, см. [7]). Именно эта редакция Апокалипсиса отразилась в Острожской библии 1581 г. — непосредственно или через список с текстом смешанного характера вроде рукописи XVI в. из собрания Плюшкина № 46 (БАН). По устному сообщению Н. Б. Тихомирова, в составе собрания Троице-Сергиевой лавры имеются служебные Евангелия, использующие текст Чудовской рукописи. Такие находки не исключены в других крупных монастырских собраниях.

Таким образом, вдохновенный труд одного из восточнославянских книжников XIV в. — возможно, святителя Алексея — всегда привлекал к себе внимание как в церковных, так и в научных кругах (В. Лефельдт приводит ценные указания на интерес к этому тексту, проявленный крупными библистами XVIII в. Миха-

элисом и Грисбахом). Новое фототипическое его переиздание вновь напоминает нам, что в его исследовании еще очень далеко до последней точки. Можно с полной уверенностью утверждать, что критическое издание текста с использованием в аппарате всех только что названных рукописей заложило бы прочное основание для изучения языка этого текста, его происхождения, его места в текстологии славянской версии св. Писания, в культурной и церковной истории нашей страны. В данном случае имеется редкая возможность исчерпать в одном издании всю текстологическую традицию целиком. Такое критическое издание готовят в настоящее время Славянская библейская комиссия, учрежденная Международным комитетом славистов в сентябре 1988 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новый Завет господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексея, митрополита Московского и всея Руси / Фототипическое издание Леонтия, митрополита Московского. М., 1832.
2. *Воскресенский Г. А.* Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по 112 рукописям. М., 1896.
3. *Воскресенский Г. А.* Послания св. апостола Павла. Вып. 1—5. Сергиев Посад, 1892—1908.
4. *Vintr J.* Shody mezi prvnm starofieskym pfekladem bible a staroruskym Novym zakonom tzv. tfeti redakce // Wiener slavistisches Jahrbuch. 1987. Bd 33.
5. *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, С. 29—31.
6. *Корнеева-Петрулан М.* К истории русского языка. Особенности письма и языка писцов московских владык XIV в. // Slavia. 1937—1938. Т. XV. № 1.
7. *Алексеев А. А.* Кирилло-Мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы (Переводы св. Писания в славянской письменности) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов: Докл. советской делегации. М., 1988. С. 145 (примеч. 59).

Алексеев А. А.